

Фрэнсис ФУКУЯМА

Фрэнсис ФУКУЯМА

**Государственный
порядок**

Издательство АСТ
Москва

УДК 32.001
ББК 66.0
Ф94

Серия «Политика»

Francis Fukuyama
THE ORIGINS OF POLITICAL ORDER

Перевод с английского *В.Л. Гончарова*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
International Creative Management, Inc.,
Curtis Brown Group Limited и Andrew Nurnberg.

Фукуяма, Фрэнсис.
Ф94 Государственный порядок : научно-популярное издание /
Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. В. Л. Гончарова]. — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 688 с. (Политика)

ISBN 978-5-17-086453-9

Прошлое не способно помешать нациям и народам смотреть в будущее, утверждают политики, — но так ли это в действительности?

Фрэнсис Фукуяма, автор знаменитого «Конца истории», уверен — к несчастью, события далекого прошлого по-прежнему оказывают влияние на современную политическую реальность.

В своей новой книге Фукуяма прослеживает историю обществ с различным государственным укладом от истоков человеческой цивилизации и до наших дней, учитывая все факторы — географические, экономические, культурные и антропологические. А результатом становится необычайно глубокое и многогранное исследование событий, каждодневно менявшихся — и до сих пор меняющихся — ход нашей истории.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978-5-17-086453-9

© Francis Fukuyama, 2011
© Перевод. В.Л. Гончаров, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Содержание

От редакции	7
Предисловие	13

Часть I. ДО ГОСУДАРСТВА

1. Необходимость политики	20
2. Естественное состояние.	50
3. Тирания кузенов	79
4. Племенные общества: собственность, правосудие, война	97
5. Выйти из Левиафана.	116

Часть II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

6. Китайский племенной строй.	135
7. Война и подъем китайского государства	151
8. Великая система Хань.	175
9. Политический упадок и возвращение патримониального правительства	188
10. Индийское отклонение	203
11. Варны и джати.	217
12. Слабость индийского государственного устройства	232
13. Рабство и мусульманский путь ухода от племенного строя	250
14. Мамлюки спасают ислам	266
15. Развитие и упадок Османского государства	280
16. Христианство разрушает семью	298

Часть III. НОРМЫ ПРАВА

17. Истоки норм права	313
18. Церковь становится государством	333

19. Государство становится церковью.	350
20. Восточный деспотизм	368
21. Оседлые бандиты	383

Часть IV. ПОДОТЧЕТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

22. Возникновение политической подотчетности	401
23. Охотники за рентой	420
24. Патримониализм пересекает Атлантику	443
25. К востоку от Эльбы.	465
26. На пути к более совершенному абсолютизму	481
27. Налогообложение и представительство	502
28. Почему подотчетность? Почему абсолютизм?	527

Часть III. К ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

29. Политическое развитие и политический упадок	544
30. Политическое развитие — вчера и сегодня	570
Примечания.	603
Библиография	661
Благодарности	685

От редакции

Американец Фрэнсис Фукуяма не нуждается в представлении — наверное, из современных футурологов он самый известный. Причины тому две: во-первых, Фукуяма умеет легко и свободно излагать свои мысли, что доступно не каждому политическому философу; во-вторых, он представляет собой не просто мэйнстрим, но, можно сказать, «официоз» западной футурологии. Основная мысль, которую проводит он в своих трудах со времен «Конца истории» (1992), — современное западное либеральное общество представляет собой венец эволюции, его утверждение во всем мире будет знаменовать конец исторического процесса.

Книга «Государственный порядок» посвящена анализу политической истории человечества и причин, по которым ее путь оказался столь непрямым. Она представляет собой литературное оформление серии лекций, прочитанных автором, — отсюда и неформальный стиль подачи материала, достаточно необычный для социологических трактатов, и некоторая легковесность объяснений. Цель всей истории человечества в понимании автора — «стать, как Дания», то есть построить демократическое общество, опирающееся на социально-ориентированную рыночную экономику. Автор подробно описывает препятствия, поджидавшие цивилизацию на этом пути, и аккуратно разъясняет читателю, почему именно европейский путь к «концу истории» оказался наиболее эффективным и правильным, а остальные страны на нем затормозились и отстали.

Сам по себе экономический успех Европы (и Северной Америки), казалось бы, подтверждает этот тезис. Однако можно задать вопрос: что тут причина, а что следствие? Действительно ли политическая демократия и либеральная экономика в их

современном виде являются венцом и целью развития человечества? Или же это всего лишь удобное средство социального регулирования, адаптированное к конкретным условиям определенного (достаточно узкого) круга стран?

Часто многие восхищаются (не избежал этого и Фукуяма) стабильностью американской политической системы, просуществовавшей уже более двух веков. Но почему-то забывают, что изначально эта система вовсе не предусматривала участия в демократическом процессе *всех* жителей страны или даже хотя бы их большинства. Более того, в рамках этой системы преспокойно существовал такой институт, как рабство.

Эта система не смогла воспрепятствовать ни гражданской войне (как тут не вспомнить сентенцию ультраконсервативного американского историка и советолога Ричарда Пайпса, в середине 90-х оброненную им в интервью газете «Аргументы и факты»: «В демократических странах гражданских войн не бывает»), ни массовым расстрелам демонстраций на рубеже XIX и XX веков, ни разгулу бандитизма в 1920-х, ни маккартизма 1950-х, ни традиции политических убийств, процветавшей в США вплоть до начала 1970-х. Отсюда логично сделать вывод: американская политическая система выполняет — признаем, вполне эффективно — не институциональную, а адаптивную функцию, изменяясь с течением времени в ответ на появление новых проблем. Более того, сам автор признает, что нормы права «зачастую в большей степени относятся и применяются к элите, а не к широким слоям населения, которое не считается до конца полноправными людьми и потому не нуждается в защите закона». Наконец, Фукуяма много говорит о гарантии прав и свобод, но почти не упоминает про обеспечение человеку неких базовых возможностей, без которых осуществление этих прав и свобод на практике, как правило, просто невозможно.

Фукуяма вполне искренне пытается вычленил факторы, сбивающие человечество с правильного пути — и направляющие его на путь «неправильный». Основным таким фактором он считает влияние родственных связей — то, что марксисты назвали бы «пережитками родового строя»: стремление содействовать членам своей семьи, а также «тиранию кузенов», т.е. ограничение прав и свобод человека окружающей его социальной средой. Разрыв родовых связей, по его мнению, дает обществу возмож-

ность развиваться самостоятельно и свободно, не оглядываясь на род и семью. Отсюда Фукуяма делает вывод о прогрессивной роли религии в Европе и Индии — в отличие от Китая с его культом предков. Католицизм с безбрачием духовенства, а также индийскую брахманическую кастовую систему он рассматривает как противовес политической власти монархов, основу принципа разделения властей и верховенства норм права.

Увы, как сочетается кастовая система, остатки которой до сих пор существуют в Индии, с элементарными принципами либерализма, автор не объясняет. Более того, нельзя не заметить, что при всей либеральности своей политической системы Индия не демонстрирует успехов в экономическом развитии. В отличие от того же Китая, который, признаем честно, не блещет демократией. Впрочем, нетрудно заметить, что большинство процветающих ныне государств на этапе своего наиболее бурного развития тоже не являлись примерами либеральной демократии либо демократии вообще.

Судя по всему, автор не вполне понимает китайскую систему — да и не горит желанием ее понять, просто честно отмечая, что она не везде и не во всем вписывается в его схему. Он лишь регулярно отмечает главное, на его взгляд, отличие Китая — отсутствие какого-либо внешнего контроля за властью. Как один из примеров такого отсутствия контроля Фукуяма приводит «неевропейскую» жестокость китайских репрессий. Между тем даже эта формальная жестокость, когда за проступок высшего чиновника или аристократа уничтожалась вся его семья, являлась следствием именно глубины контроля над обществом со стороны внешних норм, стоящих выше воли любого правителя. Сын государственного преступника или нелояльного аристократа обязан был поддержать отца, а в случае его гибели — продолжить его дело; если же он так не поступал, то заслуживал казни за измену уже не императору, а традициям.

С другой стороны, читавшие еще в советское время Дрюона помнят историю Нельской башни: вопиющий даже для XIV века пример запредельной (но вполне европейской) жестокости вкупе с вопиющим же беззаконием (точнее, с заменой писаного закона нормами племенной традиции) — причем по отношению не к каким-то простолюдинам, а к представителям высшей аристократии.

Нельзя не обратить внимание, что в самой первой главе, приводя примеры «демократических» и «недемократических» государств, Фукуяма регулярно записывает в последние «путинскую Россию»: «Россия же имеет сильное государство и проводит демократические выборы — но ее правители не чувствуют себя ограниченными правовыми нормами». А из сказанного ранее очевидно, что «полный обратный откат в демократических достижениях», то есть разрушение «демократических институтов путем манипулирования результатами выборов, закрытия или покупки независимых телеканалов и газет, подавления деятельности оппозиции», здесь начался лишь «в начале второго десятилетия XXI века».

То есть, по мнению автора, в 1990-х, когда танками разгонялся парламент, запрещались политические партии, газеты и даже телеканалы, а на президентских выборах побеждал кандидат, изначально занимавший в рейтинге популярности предпоследнее, одиннадцатое место, с демократией в России дело обстояло все же лучше, чем в 2010-х...

Вряд ли такая аберрация связана с сознательным стремлением автора исказить реальность и фальсифицировать итоги своего анализа. Скорее, обратное: она — следствие идеологизированности информации, которой он пользовался. Однако сам факт идеологической манипуляции информацией в либеральном и демократическом обществе уже ставит под сомнение тот набор качеств, который приписывает ему автор. Мы видим, что обитатель этого мира как минимум не свободен в получении информации. Впрочем, тут возникает закономерный вопрос: а так ли она ему нужна, свободная информация?

Здесь необходимо различать свободу слова и свободу получения информации. Первая фактически не касается простого гражданина — большинство людей при любом режиме не имеют практических возможностей донести свои мысли до миллионов. Гораздо значимее для человека свобода получения информации, которая — в теории — помогает ему принять верное решение в той или иной ситуации. На практике же использование человеком этой свободной информации ограничивается его возможностью реально повлиять на мир, используя эту информацию, даже если мы примем, что эта свободно полученная из свободных источников информация адекватна и достоверна, а не

является производной от ошибки либо сознательной манипуляции. И даже если человек имеет возможность повлиять на мир, далеко не всегда он испытывает реальную нужду в адекватной информации. «Во многом знания — многие печали», «Меньше знаешь — крепче спишь».

Возвращаясь к проблемам авторитаризма, стоит отметить любопытное признание автора: «Китайскую модель авторитарного капитализма не так легко описать и еще сложнее повторить». Таким образом, Фукуяма честно указывает, что не в состоянии проанализировать и уложить в свою схему так называемую «авторитарную модернизацию» — самый эффективный из известных механизмов экономического развития в современном мире.

Нельзя не признать: автор поднимает важные проблемы и в целом верно формулирует условия задачи. Однако сплошь и рядом он вполне сознательно подгоняет свой анализ (а иногда и те самые условия задачи) под заранее заданную схему, а факты — под уже готовый ответ. Интересная и неявная особенность работы: она, по сути, представляет собой полемику с классическим марксистским взглядом на историческое развитие. Возможно, для современного западного читателя это не очевидно, но человеку, обучавшемуся в советской школе, это сразу бросается в глаза, придавая книге дополнительное измерение и дополнительный интерес. Кроме того, читатель, обитающий в государстве, характеризуемом автором как «тираническое» или «авторитарное», имеет возможность оценить реальное наполнение этих понятий изнутри, с позиций своего опыта.

Наконец, нельзя забывать и о факторе чисто субъективного восприятия. Живя в развитом государстве с высоким уровнем жизни и при этом имея в нем достаточно высокий социальный статус, легко рассуждать о преимуществах свободы перед развитием, о том, что рост благосостояния не компенсирует тирании, а давление со стороны традиционалистской общины для человека легче и приятнее, чем давление со стороны центральной власти. Но когда человеку нечего есть, а вдобавок он ощущает, как давление сословной иерархии сковывает возможности социального роста и интеллектуального развития его и его потомков, он может иметь совершенно иное мнение по этим вопросам...

Здесь стоит вернуться к столь часто используемому автором понятию «тирания кузенов». Данный термин отнесен им к традиционалистскому обществу — но в общем смысле под ним понимается отсутствие или бессилие законов, защищающих повседневные права большинства граждан от принуждения и насилия со стороны окружающей их социальной среды. В этом смысле так называемую «политкорректность», давление которой все более усиливается в западном обществе, точно так же можно отнести к «тирании кузенов». Сам по себе этот пример явного социального регресса весьма интересен — к сожалению, Фукуяма его не разбирает, по крайней мере в этом томе своей работы...

Владислав Гончаров

Предисловие

Эта книга имеет два истока. Первый родился, когда мой наставник Самюэль Хантингтон из Гарвардского университета попросил меня написать вступительное слово к репринтному изданию его классического труда 1968 года «Политический порядок в меняющихся обществах»¹. Работа Хантингтона явила собой одну из последних попыток широкого исследования политического развития и была той книгой, к которой я часто обращался в преподавании. В этой книге были введены многие ключевые идеи современной сравнительной политологии, включая теорию политического упадка, концепцию авторитарной модернизации, а также мысль о том, что политическое развитие является феноменом, обособленным от других аспектов модернизации.

Но когда я попытался разъяснить, что же собой представляет «политический порядок», мне показалось, что книга нуждается в ряде серьезных обновлений. Она была написана лишь десятилетие спустя после начала большой волны деколонизации, стершей с политической карты тот мир, что родился после Второй мировой войны. Многие из ее последствий выразились в чрезвычайной нестабильности этого периода, со всеми его переворотами и гражданскими войнами.

За годы, прошедшие с публикации этой книги, произошло много важных изменений, таких, как экономический подъем Восточной Азии, крах мирового коммунизма, ускорение глобализации, и то, что сам Хантингтон обозначил как «третью волну» демократизации, начавшуюся в 1970-х годах. А в те годы политическому порядку во многих частях мира еще предстояло окончательно сформироваться, но он уже успешно рождался то

тут, то там. Поэтому кажется вполне уместным вернуться к темам, поднятым этой книгой, и попытаться применить их к миру в его нынешнем состоянии.

Обдумывая, как идеи Хантингтона могут быть пересмотрены, я пришел к мысли, что есть еще ряд существенных работ, к которым следует обратиться при анализе истоков политического развития и политического упадка. В «Политическом порядке в меняющихся обществах» как само собой разумеющийся принимается политический мир достаточно позднего периода человеческой истории, где уже существуют такие институты, как государство, политические партии, закон, военные организации и т.п. Это мешает адекватно анализировать проблемы развивающихся стран, пытающихся модернизировать свои политические системы, — при этом не понимая в первую очередь то, откуда пришли эти системы и почему они имеют настолько глубокие корни.

Ни одна из стран не находится в ловушке своего прошлого. Но во многих случаях произошедшее сотни или даже тысячи лет назад продолжает оказывать значительное влияние на природу сегодняшней политики. Если мы стремимся понять функционирование современных институтов, нам необходимо взглянуть на их происхождение — и на те силы, зачастую случайные и непредвиденные, которые вызвали их к жизни.

Тема происхождения социальных институтов тесно связана со второй темой — практическими проблемами современных слабых и несостоятельных государств («*failed states*»). Значительную часть времени после 11 сентября 2001 года я работал над проблемами строительства государства и национальной идентичности в странах с несостоятельными или нестабильными правительствами; начальные попытки проработки этой темы реализовались в книге, которую я опубликовал в 2004 году под названием «Построение государства: Власть и мировой порядок в XXI веке»². Соединенные Штаты, так же как и остальное мировое сообщество, оказывающее экономическую помощь развивающимся странам, потратили много средств на проекты построения национальной идентичности по всему миру, в том числе в таких странах, как Афганистан, Ирак, Сомали, Гаити, Восточный Тимор, Сьерра-Леоне и Либерия. Я сам консультировал Всемирный Банк и Австралийское агентство по оказанию помощи «AusAid» (*Australian aid agency AusAid*) при рассмотре-

нии проблемы государственного строительства в Меланезии, в том числе на Восточном Тиморе, в Папуа — Новой Гвинее, на Индонезийском Папуа* и Соломоновых Островах. Все перечисленные образования столкнулись с серьезными трудностями при попытке создать современные государства.

Рассмотрим, к примеру, проблему внедрения современных институтов в такие меланезийские социальные системы, как Папуа — Новая Гвинея и Соломоновы Острова. Меланезийское общество имеет клановую организацию, которой присуще то, что антропологи называют «сегментарными линиджами» — группы людей, возводящих свое происхождение к общему предку. В разных районах такие кланы могут составлять от нескольких десятков до нескольких тысяч родственников и в местном масштабе известны как вантоки (искаженный вариант английского «one talk», т.е. люди, говорящие на одном языке).

Социальная фрагментация, существующая в Меланезии, крайне велика. В одной только Папуа — Новой Гвинее существует более девятистот разных, взаимно непонятных языков, это составляет около одной шестой существующих в настоящее время наречий. Соломоновы Острова с населением всего в пятьсот тысяч человек, несмотря на это, имеют более семидесяти отдельных языков. Большинство жителей горных районов Папуа никогда не покидают крошечных долин, в которых они были рождены; их жизнь проходит в пределах вантока и в соперничестве с соседними вантоками.

Вантоком руководит «бигмен» — «большой человек». Никто не рождается «большим человеком», также он не может передать этот титул по наследству своему сыну. Наоборот, такая должность должна быть заслужена в каждом поколении. Она не обязательно достается тем, кто обладает физическим превосходством, но ее получают те, кто заслужил доверие людей, обычно за способность распределять свиней, деньги из раковин и другие ресурсы между членами клана. В традиционном меланезийском обществе «большой человек» должен постоянно действовать с оглядкой, потому что за спиной могут стоять соперники за власть. В отсутствие ресурсов, предназначенных для распределения, он теряет свой статус лидера³.

---

* В отечественной литературе эта территория Индонезии известна как Западный Ириан. — *Здесь и далее примеч. ред.*